

УДК 343.01; 343.851.3

DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).732-739

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Я.В. Гармышев¹, И.М. Егереv², С.В. Пархоменко³

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация

³ Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

29 марта 2015 г.

Дата принятия в печать

10 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения

29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Квалификация; преступление;
уголовный закон;
оценочное понятие;
правоприменение

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы установления оценочных понятий в уголовном законодательстве на примере отдельных видов преступлений в рамках взаимодействия доктрины уголовного права и правоприменительной деятельности. Обращено внимание на коллизии в отраслевом законодательстве Российской Федерации, которые препятствуют надлежащей квалификации деяния. Расплывчатость уголовно-правовых норм и отсутствие действенных процессуальных механизмов порой не позволяют реализовать его в правоприменительной деятельности, что фактически нивелирует эффект от закрепления в законах обширного перечня запретов, направленных на обоснованную квалификацию оценочных понятий. На основе отдельных судебных решений и обобщенных позиций высшей судебной инстанции формулируются устоявшиеся правила квалификации оценочных признаков преступлений при системном толковании правовых норм. Авторами предложен оптимальный алгоритм принятия судебного решения, сочетающий как последовательный, так и приоритетный порядок учета обстоятельств, обуславливающих квалификацию преступления. С опорой на данные проведенного исследования проанализированы пределы влияния личности судьи, рассматривающего дело, на квалификацию оценочных понятий. Обоснованы предложения относительно более жесткого законодательного регулирования выбора соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса при установлении субъективных и объективных оценок преступного поведения личности в целях предупреждения преступности. В контексте предупреждения преступности унифицированная терминология позволит определить границы преступного поведения как самостоятельного объекта криминологического исследования и, соответственно, как объекта предупредительного воздействия. Сделан вывод о необходимости указания в диспозиции соответствующей нормы на характер преступлений, а следовательно, приведения составов, предусматривающих оценочные признаки, к единым системообразующим критериям. Определены некоторые системные аспекты судебного усмотрения при квалификации преступлений. Также указано на потребность в последовательном пересмотре ряда позиций с целью их воплощения в уголовно-правовой доктрине, предложены пути и направления осуществления современной уголовной политики с учетом реалий постмодернистской идеологии нового общества.

TO THE ISSUE OF CLASSIFYING SOME EVALUATIVE CONCEPTS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Yaroslav V. Garmyshev¹, Ivan M. Egerev², Svetlana V. Parhomenko³

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Irkutsk Institute (Affiliate) of the All-Russian State University of Justice
(the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk, the Russian Federation

³ Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2015 March 29

Accepted

2016 November 10

Abstract. The authors use some categories of crime to examine the issue of evaluative concepts' inclusion in criminal legislation from the standpoint of interaction between criminal law doctrine and law enforcement practice. They draw attention to collisions in branches of legislation of the Russian Federation that impede due classification of an action. Sometimes, the ambiguity of criminal law norms and the absence of effective procedural mechanisms do not allow to implement it in law enforcement practice, which

Available online
2016 December 29

Keywords

Classification; crime; criminal law;
evaluative concept; law enforcement

practically eliminates the effect from including in law a vast number of prohibitions aimed at the due classification of evaluative concepts. The authors use specific court decisions and generalized positions of the highest court to formulate established rules of classifying evaluative dimensions of crimes in the systemic interpretation of law norms. They also present the optimal algorithm of a court's decision-making which combines both consecutive and priority order of considering those circumstances that determine crime classification. Data from the authors' research is used to analyze the limits of influence that the personality of the judge examining the case has on the classification of evaluative concepts. They argue for a more rigid legislative regulation of choosing the corresponding Article of the Special Part when giving the subjective and objective evaluation of a person's criminal behavior with the aim of crime prevention. Within the framework of crime prevention, a unified terminology allows to determine its boundaries as an independent object of criminological research and, correspondingly, as an object of preventive influence. The authors conclude that the corresponding norm should include in its disposition the character of crime and, thus, it is necessary to use common systemic criteria for all corpus delicti that have evaluative dimensions. They also determine some systemic aspects of the court's deliberation in the classification of crimes. The authors conclude that it is necessary to reconsider a number of positions to implement them in the criminal law doctrine and present ways and directions for implementing contemporary criminal law policy that takes into consideration the post-modern ideology of the new society.

Проблема законодательного установления оценочных понятий и постоянного роста числа их разновидностей является одним из основных аспектов оценки уголовного закона. Оценочные признаки деяний позволяют законодателю использовать их для обозначения огромного количества общественно опасных явлений и процессов. Наличие таких понятий в уголовном законе делает его более динамичным и гибким. Однако, несмотря на вырабатываемые судебной практикой критерии оценки отдельных элементов составов преступлений, именно толкование оценочных признаков вызывает наибольшее затруднение. Существенный недостаток оценочных понятий заключается в опасности усмотрения правоприменителя при квалификации преступления, описанного в уголовном законодательстве при помощи таких понятий. К их числу можно отнести понятия «неизгладимое обезображивание лица» (например, ст. 111 УК РФ), «тяжкое оскорбление» (ст. 107 УК РФ), «иные тяжкие последствия» и др. Кроме этого, следует отнести к оценочным и признаки, раскрывающие их содержание, скажем признаки организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) или признаков устойчивости банды (ст. 209 УК РФ).

В теории уголовного права, тем не менее, отсутствует единое представление о правовой природе оценочных понятий. Согласно первому подходу, под оценочными следует понимать «относительно-определенные понятия, содержание которых выявляется только с учетом конкретных ситуаций, обстоятельств рассматриваемого казуса» [1]. В соответствии со вторым подходом, в характеристики оценочных понятий

включают не только субъективные, ситуационные, но и объективные признаки независимо от конкретного деяния [2–9]. Представляется, что в оценку правовой нормы наряду с относительными ее элементами, характеризующими преступление, входят и постоянные признаки, совокупность которых дает возможность говорить о наличии того или иного оценочного понятия. Таким образом, оценочные понятия позволяют правотворчески системно учитывать социально-политическую обстановку, конкретные жизненные обстоятельства в их многообразии, способствуют использованию системного подхода в реализации права и снижению показателей преступности в России. В связи с тем что оценочные понятия являются нечеткими по своей правовой природе, они позволяют охватить обширный перечень обстоятельств действительности, который законодатель, как правило, не в состоянии точно конкретизировать применительно ко всем случаям действия уголовного закона. Учет данных обстоятельств в рамках индивидуально-поднормативного регулирования общественных отношений часто необходим для успешной реализации уголовного законодательства.

В целях оптимального закрепления оценочного понятия в правовой норме следует обратить внимание на существующую практику толкования данного понятия отраслевыми юридическими науками, а также другими науками (политологией, философией и др.), что будет способствовать правильному и единообразному пониманию, а следовательно, и применению данного оценочного понятия. К примеру, в вопросе понятия предмета хищения законодатель в гл. 21

УК РФ формально отказался от дифференциации ответственности за это деяние в зависимости от вида имущества, однако в гражданском законодательстве перечень объектов права частной собственности обширен. Исключение из уголовного законодательства статьи о завладении недвижимостью не ликвидировало в целом проблему ответственности за анализируемое деяние в теоретическом и практическом аспектах. Однако вышеуказанная проблема не имеет однозначного правового решения в связи с тем, что само недвижимое имущество неоднородно.

Особенности конкретного оценочного понятия действуют лишь в течение определенного периода. Развитие отечественного законодательства и появление новых правовых терминов предопределяют установление новых уголовно наказуемых элементов, что свидетельствует о вариативности уголовного закона в зависимости от современных задач уголовной политики в сфере противодействия преступности. Одним из критериев, обуславливающих эффективность действия уголовного законодательства, является характер ошибок в правоприменительной деятельности при квалификации отдельных видов преступлений. Расплывчатость правовых критериев в сочетании с субъективным контекстом при установлении оценочных понятий способствует возникновению судебно-следственных ошибок [3–5]. Причины ошибок, допускаемых правоприменителем при уяснении оценочных понятий, таковы: отсутствие критериев для толкования оценочных норм в уголовном законе; недостаточная подготовка правоприменителя в плане использования оценочных суждений [5–10]. Следует отметить, что правоприменительная практика корректирует содержание отдельных понятий в уголовном законодательстве, однако не всегда разрешается соответствующая проблема их толкования. К примеру, при рассмотрении вопроса о дефиниции термина «официальный документ» Конституционный Суд РФ определил, что толкование данного понятия с точки зрения иных отраслей права является грубым нарушением принципа законности¹. Однако при применении ст. 292 УК РФ вопреки ранее сформулированной в своих

определениях позиции Суд в других определениях «рекомендовал» учитывать критерии, которые содержатся в ст. 5 Закона об обязательном экземпляре². Кроме этого, некоторые исследователи формулируют, на наш взгляд, еще более сомнительные предложения. Так, Д.Ю. Гончаров указывает, что судебная практика следует по пути отнесения к официальным только тех документов, которые используются в документообороте государственных организаций, учреждений и отвечают соответствующим требованиям [11]. Вышеуказанная точка зрения предопределяет вывод об ограниченном использовании при толковании уголовного закона определения иной отраслевой принадлежности, хотя для правоприменителя такой критерий облегчает процесс квалификации преступлений. Бланкетный подход способен негативно сказаться на правоприменительной практике следственных и судебных органов, когда определение из другой сферы будет применяться в качестве шаблона [12].

Ряд трудностей возникает при квалификации преступлений в контексте квалифицирующих признаков, которые охватываются умыслом виновного, но в результате ошибочных представлений виновного в объективной реальности таких последствий не наступило. Сторонники квалификации деяния по признакам основного состава ссылаются на положение Конституции России, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре» от 29 апреля 1996 г., согласно которым все сомнения в виновности обвиняемого трактуются в его пользу, и, к примеру, устранимые сомнения по поводу квалификации убийства женщины, которая фактически не была беременна, хотя по убеждению виновного находилась в таком состоянии, следует трактовать в пользу обвиняемого (подсудимого)³ [13–15]. Тем не менее во фразе «все неустраняемые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиня-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мигутиной Юлии Сергеевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 292 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ от 13 окт. 2009 г. № 1236-0-0 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика.

³ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 // Российская газета. 2008. 18 июня.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 575-0-0 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика.

емого» содержится указание не на сомнения относительно квалификации в рамках соответствующего уголовного дела, а на сомнения, касающиеся, например, того, совершено ли рассматриваемое деяние конкретным лицом, виновно ли оно в данном преступлении и т.д. Поэтому не случайно законодатель использует термины в качестве обязательного признака, преследуя цель ограничения, а не расширения нормы. Определение критериев для оценки отдельных элементов состава, правовое закрепление ключевых признаков и следование установленным требованиям при квалификации преступлений с оценочными понятиями предопределяли бы более четкую и эффективную их реализацию, что отвечало бы интересам современного общества и обусловило большее уважение к закону со стороны граждан, а также эффективность правоприменения.

Кроме этого, следует обратить внимание на разницу между фактическим и юридическим смыслом преступных деяний. Фактически их общественная опасность зависит от масштаба отрицательных правовых последствий. Юридически она имеет количественную и качественную характеристики. Для оценки преступного деяния в контексте уголовного законодательства значима качественная характеристика, которая характеризует объект преступного посягательства. Качественная характеристика общественной опасности преступления заключается в создании, к примеру, угрозы возникновения существенных последствий в условиях криминальной ситуации в отношении какого-либо объекта уголовно-правовой охраны.

Для практических работников подобные оценочные понятия не способствуют прояснению сложной ситуации, а, наоборот, создают дополнительные трудности, например при применении такого квалифицирующего признака, как существенный вред в имущественных преступлениях. Вышеуказанные правовые конструкции необходимо сформулировать более четко. Так, при конкретизации значительного ущерба следует не только зафиксировать его минимальный предел, но и установить системное соотношение стоимости похищенного и имеющегося у потерпевшего имущества, а также иное соотношение показателей, включенных в гражданское законодательство об ущербе. Уголовный закон всегда определяет характер общественной опасности, качество, содержание деяния [7–9]. При уяснении содер-

жания оценочных признаков, как бы сложно это ни было, надо стремиться к определению степени опасности преступления в рамках характера его общественной опасности. В целях устранения квалификационных ошибок при применении норм с оценочными характеристиками требуется сместить акцент на законодательную формулировку отдельных криминообразующих признаков. При конкретизации оценочных норм необходимо применять систематический принцип толкования, сопоставляя уголовно-правовые признаки с похожими по содержанию терминами УК РФ, других отраслей права, подзаконных актов, однако, как указывалось ранее, следует ограниченно подходить к этому вопросу. Не исключаем вариант толковать понятия сквозного типа с помощью терминологии, уточняющей содержание и объем оценки в правовом регулировании.

Непосредственные правоприменительные аспекты проблем, связанные с реализацией норм с оценочными понятиями и их влиянием на уголовное законодательство, учитывая их значительный объем, рассмотрим на примере вопросов, возникающих при разграничении понятий «организованная группа», «преступное сообщество», «банда». Законодатель в целях противодействия организованной преступности за последнее время принял целый ряд законов, ключевым из которых стал Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 3 ноября 2009 г. № 245, где были изменены понятие и признаки преступного сообщества, однако не все оценочные понятия устранены. Преступное сообщество и банда строятся на признаке организованной группы, однако в рамках правоприменительной деятельности возникают вопросы об определении специфических признаков, которыми обладает преступное сообщество. Определяющим свойством организованной преступной группы является признак устойчивости, подразумевающий наличие организатора или руководителя группы, однако организация преступного сообщества, помимо субъективных признаков, отличается от бандитизма прежде всего количественной характеристикой. Учитывая близкое расположение ст. 209 и 210 УК РФ, можно предположить, что банда есть разновидность преступной организации. Оценочность терминов «устойчивость», «сплоченность», «струк-

турированность» на правоприменительном уровне вызывает ряд затруднений, связанных с фактической идентичностью этих признаков, хотя не все они определены уголовным законом, однако их следует определить. Устойчивость указывает правоприменителю на сплоченность лиц, совершающих деяние в составе организованной группы, а сплоченность предполагает устойчивость преступного сообщества, без структурированности отсутствует устойчивость и сплоченность. Установление преступной группы лиц, образовавшейся с целью совершения одного или нескольких преступлений, не исключает возможность квалификации по признакам иной формы соучастия. Тем не менее под устойчивостью следует понимать временной критерий существования и характер преступной связи между участниками группы. Устойчивость также определяется наличием организатора или руководителя группы. Р.Р. Галиакбаров предлагает учитывать при определении устойчивости критерий «систематичность преступных посягательств». «Систематичность, — указывает он, — не сводится к повторению (неоднократности) преступления. Она уже предполагает большее количество посягательств — три и более, что отражает более высокую антисоциальную направленность действий субъектов» [16]. Следует согласиться с данным высказыванием в части того, что большое количество преступлений, совершенных одним составом участников, выступает проявлением устойчивости. Устойчивость как временная характеристика организованной группы или банды определяется и через систематичность совершения преступных актов. Некоторые исследователи называют дополнительный отличительный признак, характерный для преступного сообщества, — причастность к его деятельности коррумпированных должностных лиц⁴ [10; 17–21].

Последующая квалификация преступных деяний всех виновных лиц по признакам организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации) допустима только при осуществлении организованной преступной деятельности, т.е. при совершении членами указанных формирований преступных деяний, внутренне объединенных одной субъективной составляющей вины, реализация которой планируется участниками организо-

ванной группы либо преступного сообщества (преступной организации) [2]. Сплоченность преступного сообщества (преступной организации) означает наличие у руководителей (организаторов) и участников этого сообщества (организации) единого умысла на совершение одного или нескольких тяжких и особо тяжких преступлений и получение прямо или косвенно финансовой или материальной выгоды. О признаке структурированности может свидетельствовать факт наличия устоявшихся связей, организационно-управленческих структур, финансовой базы, единой кассы, конспирации, иерархии подчинения, единых жестких правил взаимоотношений и поведения, санкций за нарушение неписаного устава сообщества. Отметим, что под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать объединение двух или более организованных групп, которые входят в него в качестве структурных подразделений.

С учетом вышеизложенного полагаем, что разграничение организованной преступной группы, преступного сообщества и банды по признаку устойчивости и структурированности, предложенное уголовным законом, несколько неудачно. Преступное сообщество в сопоставлении с организованной группой характеризуется более сложной структурой и системой управления, тщательной разработкой конспиративных мер, жесткой иерархией подчинения. Следует отметить, что в общем деятельность преступного сообщества более масштабна по всем криминологическим показателям, чем деятельность организованной группы.

Отсутствие рекомендаций по рассмотрению оценочных понятий неизбежно приводит к свободному их толкованию представителями судебной власти в контексте судебного усмотрения. Анализируемое право суда реализуется в границах, установленных законом, в соответствии с правосознанием соответствующего субъекта правоприменения и концепцией законодателя с соблюдением правовых принципов, основ морали, а также с учетом конкретных обстоятельств совершения преступления [11]. Понятие морали относится больше к философскому подходу. Законодательство, в том числе и уголовное, не определяет нормы морали, нравственности. Данный подход находит воплощение в соответствии содержания правовой нормы и судебной практики.

⁴ Criminology in Europe // Newsletter of the ESC. 2010. Vol. 9, № 2. P. 6–7.

В современных условиях разъяснения Пленума Верховного Суда РФ становятся наиболее распространенным способом ориентации правоохранительных органов в сложностях уголовного законодательства. Таким образом, указания вышестоящих инстанций в судебной системе служат оптимизации уголовно-правового регулирования, которая предопределяет применение сложных оценочных положений УК РФ. Вместе с тем не всегда решения Верховного Суда России и иных инстанций совершенны и системны в процессе правоприменения [22]. Судебное толкование состоит в процессе замещения оценочных понятий более формализованными понятиями, определяющими юридическое значение явлений и предметов, цель которого заключается в установлении логико-семантических пределов толкования оценочных суждений.

В условиях глобализации, в частности в сфере уголовного законодательства, наблюдается усложнение стандартов правовых систем. Результатом этого системного процесса является взаимное проникновение правовых подходов, в том числе касающихся вопросов законодательного обеспечения, одной правовой системы в функционирование другой. «Заимствование при данных обстоятельствах наиболее рациональных, эффективных способов поведения необходимо» [22]. Исходя из изложенного в ситуации возникновения неясности уголовного закона могут быть такие варианты: во-первых, возможна корректировка норм уголовного закона непосредственно за-

конодателем, что связано со значительными издержками в правотворческой деятельности; во-вторых, ориентация правоприменителя на разъяснения различных судебных инстанций. Тем не менее абсолютизировать некоторые обобщенные рекомендации постановлений Пленума Верховного Суда РФ неприемлемо по той причине, что единственный источник российского уголовного права — УК РФ. Однако исключить корректирующее воздействие Верховного Суда России невозможно уже в силу того, что он представляет собой высший судебный орган.

Таким образом, основная задача законодателя при определении приоритетов развития уголовного закона состоит не в полном искоренении оценочных суждений, а в том, чтобы оптимизировать их общее количество, сформулировать эффективную методологию их применения. Требуется установить единые системные критерии оценки и конкретизации таких понятий в уголовном законодательстве России, тем самым обеспечив баланс между формальным и относительно-определенным подходами при квалификации преступлений. Необходима также соответствующая конкретизация оценочных оснований освобождения от уголовной ответственности в целях ее индивидуализации. Все это предопределяет большое теоретическое и практическое значение оценочных понятий в правотворчестве и правоприменении, предполагая их дальнейшее системное изучение в целях снижения уровня преступности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корчагин Г.А. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность / Г.А. Корчагин. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — 216 с.
2. Питецкий В.В. Применение оценочных признаков уголовного закона: (сущность, функции, перспективы использования в законодательстве) : учеб. пособие / В.В. Питецкий. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1995. — 126 с.
3. Жариков Ю. Реализация оценочных понятий в уголовном праве / Ю. Жариков // Законность. — 2007. — № 9. — С. 45–47.
4. Черепанова Е.В. Оценочные понятия в УК РФ и их влияние на эффективность применения уголовного законодательства / Е.В. Черепанова // Журнал российского права. — 2009. — № 2. — С. 128–134.
5. Шумилина О.С. Оценочные понятия в Уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.С. Шумилина. — М., 2002. — 296 с.
6. Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / под ред. В.Н. Кудрявцева. — М. : Городец, 2007. — 336 с.
7. Кузнецов В.И. Уголовное право России. Особенная часть : учеб.-метод. комплекс / В.И. Кузнецов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. — 247 с.
8. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрид. лит., 1972. — 352 с.
9. Чихиквадзе В.М. Понятие и значение состава преступления в советском уголовном праве / В.М. Чихиквадзе // Советское государство и право. — 1955. — № 4. — С. 55–56.
10. Мондохонов А. Преступная организация или преступное сообщество? / А. Мондохонов // Законность. — 2009. — № 10. — С. 35–37.
11. Гончаров Д.Ю. Официальные документы: проблемы квалификации по Уголовному кодексу РФ / Д.Ю. Гончаров // Право и экономика. — 2000. — № 12. — С. 43–44.

12. Степанюк О.С. Проблема межотраслевого подхода к толкованию понятия «официальный документ» / О.С. Степанюк, А.В. Степанюк // Российский судья. — 2013. — № 4. — С. 29–32.
13. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации : науч.-практ. пособие / сост. В.А. Давыдов, И.Н. Иванова ; под общ. ред. В.М. Лебедева. — М. : Юрайт, 2005. — 362 с.
14. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 362 с.
15. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь: в аспектах de lege lata и de lege ferenda / А.Н. Красиков. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999. — 220 с.
16. Галиакбаров Р.Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения организованной группой / Р.Р. Галиакбаров // Российская юстиция. — 2004. — № 4. — С. 47–50.
17. Устинов В.С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности / В.С. Устинов. — Н. Новгород : Изд-во Нижегород. высш. шк. МВД России, 1993. — 174 с.
18. Dubber M.D. Reforming American Penal Law / M.D. Dubber // Journal of Criminal Law and Criminology. — 1999. — № 90 (1). — P. 49–107.
19. Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach / E.L. Feige // World Development. — 1990. — Vol. 18, № 7. — P. 989–1002.
20. Hart K. Informal urban income opportunities and urban employment in Ghana / K. Hart // Journal of Modern African Studies. — 1973. — Vol. 11, № 3. — P. 61–89.
21. Taylor I. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance / I. Taylor, P. Walton, J. Young. — L. : Routledge and Kegan Paul, 1973. — 368 p.
22. Грачева Ю.В. Возможно ли судебское усмотрение при пробеле в уголовном праве? / Ю.В. Грачева // Уголовное право. — 2010. — № 3. — С. 108–112.

REFERENCES

1. Korchagin G.A. *Prestupleniya v sfere ekonomiki i ekonomicheskaya prestupnost'* [Crimes in the Sphere of Economy and Economic Crimes]. Vladivostok, Far-Eastern Federal University Publ., 2001. 216 p.
2. Pitetskii V.V. *Primenenie otsenочnykh priznakov ugovornogo zakona: (sushchnost', funktsii, perspektivy ispol'zovaniya v zakonodatel'stve)* [The use of the evaluation attributes of criminal law: (essence, functions, prospects of legislative use)]. Krasnoyarsk State University Publ., 1995. 126 p.
3. Zharikov Yu. The implementation of evaluation concepts in criminal law. *Zakonnost' = Legality*, 2007, no. 9, pp. 45–47. (In Russian).
4. Cherepanova E.V. Evaluation concepts in the Criminal Code of the RF and their impact on the effectiveness of enforcing criminal legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 128–134. (In Russian).
5. Shumilina O.S. *Otsenочnye ponyatiya v Ugovornom kodekse Rossiiskoi Federatsii i ikh ispol'zovanie v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti. Kand. Diss.* [Evaluation concepts in the Criminal Code of the Russian Federation and their use in law enforcement. Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 296 p.
6. Kudryavtsev V.N. (ed.). *Lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestuplenii»* [Lectures of the course «Basics of Classifying Crimes»]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 336 p.
7. Kuznetsov V.I. *Ugovornoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. 3rd ed. Irkutsk State University Publ., 2010. 247 p.
8. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [The general theory of classifying crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 352 p.
9. Chkhikvadze V.M. The concept and meaning of corpus delicti in Soviet criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1955, no. 4, pp. 55–56. (In Russian).
10. Mondokhonov A. A criminal organization or a criminal community? *Zakonnost' = Legality*, 2009, no. 10, pp. 35–37. (In Russian).
11. Goncharov D.Yu. Official documentation: issue of qualification according to the Criminal Code of the RF. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2000, no. 12, pp. 43–44. (In Russian).
12. Stepanyuk O.S., Stepanyuk A.V. The issue of the inter-departmental interpreting of the concept of an «official document». *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2013, no. 4, pp. 29–32. (In Russian).
13. Davydov V.A., Ivanova I.N., Lebedeva V.M. (eds). *Sudebnaya praktika k Ugovornomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Court Practice based on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurait Publ., 2005. 362 p.
14. Kozlov A.P. *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Traditions and Reality]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 362 p.
15. Krasikov A.N. *Prestupleniya protiv prava cheloveka na zhizn': v aspektakh de lege lata i de lege ferenda* [Crimes against a Human's Right to Life: in aspects de lege lata and de lege ferenda]. Saratov State University Publ., 1999. 220 p.
16. Galiakбаров R.R. The qualification of crimes based on the attribute of being committed by an organized group. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2004, no. 4, pp. 47–50. (In Russian).
17. Ustinov V.S. *Ponyatie i kriminologicheskaya kharakteristika organizovannoi prestupnosti* [The Concept and Criminological Characteristics of Organized Crime]. Nizhnii Novgorod, High School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1993. 174 p.
18. Dubber M.D. Reforming American Penal Law. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1999, no. 90 (1), pp. 49–107.
19. Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach. *World Development*, 1990, vol. 18, no. 7, pp. 989–1002.
20. Hart K. Informal urban income opportunities and urban employment in Ghana. *Journal of Modern African Studies*, 1973, vol. 11, no. 3, pp. 61–89.

21. Taylor I., Walton P., Young J. *The New Criminology: For a Social Theory of Deviance*. London, Routledge and Kegan Paul, 1973. 368 p.

22. Gracheva Yu.V. Is a judge's discretion possible if there is a gap in criminal law? *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2010, no. 3, pp. 108–112. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гармышев Ярослав Владимирович — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: garmyv@mail.ru.

Егоров Иван Михайлович — доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: egerevim@mail.ru.

Пархоменко Светлана Валерьевна — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: psvet@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гармышев Я.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России / Я.В. Гармышев, И.М. Егоров, С.В. Пархоменко // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 732–739. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(4).732-739.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Garmyshev, Yaroslav V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Law Institute, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: garmyv@mail.ru.

Egorev, Ivan M. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Irkutsk Institute (Affiliate) of the All-Russian State University of Justice (the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: egerevim@mail.ru.

Parhomenko, Svetlana V. — Professor, Chair of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: psvet@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Garmyshev Ya.V., Egorev I.M., Parhomenko S.V. To the issue of classifying some evaluative concepts in Russian criminal law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 732–739. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).732-739. (In Russian).